

*Заместитель председателя
Квалификационной комиссии
Адвокатской палаты
Санкт-Петербурга*
Ю.А. Шутякин

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО – СВОБОДА!

Свобода! о молодая дева!
Посланица благих богов!
Ты победишь упорство гнева
Твоих неистовых врагов.
Ты разорвешь рукой могущей
Насильства бедственный устав
И на досках судьбы грядущей
Снесешь нам книгу вечных прав,

Петр Вяземский

Больше всего обыватель не любит дантистов и адвокатов. Одни, мол, наживаются на чужой боли, другие — на чужом горе. И, как ни странно, особой нелюбовью к последним отличаются некоторые представители других юридических специальностей. Я не сразу понял природу этой «нелюбови». Мне казалось, что все дело в некоем аромате Свободы, исходящем от самого слова «адвокат», раздражающем чиновника, лишённого рычагов управления; судью, у которого в столе нет бланков оправдательных приговоров; прокурора, боящегося испачкать мундир пятнами объективности и милосердия; следователя, скованного не столько рамками Закона, сколько количеством дел, сроками и волей начальства. Но со временем мне стало ясно, что наибольшее раздражение вызывает, то, что некоторые мои коллеги-адвокаты трактуют понятие «свободная профессия» как свободу от каких бы то ни было норм, правил и традиций адвокатуры, как безответственность и вседозволенность.

Больнее всего ощущают это Доверители, для которых общение с представителем свободной профессии начинается с текста Соглашения (Договора), в котором адвокат не всегда утруждает себя так сформулировать предмет соглашения, чтобы доверителю было понятно какое поручение адвокат обязуется выполнить, что конкретно он должен сделать.

Например, адвокат Б.Б.Т. сформулировал предмет договора как «защита законных прав и интересов доверителя по вопросам, связанным с КАД». Его доверитель С. утверждает, что речь шла о подготовке искового заявления и представлении ее интересов в суде, а, по словам адвоката, он взялся провести лишь мониторинг экологических проблем.

Квалификационная комиссия адвокатской палаты СПб (ККАП) обратила внимание адвоката Б.Б.Т. на то, что именно неконкретность, расплывчатость формулировки предмета договора, отсутствие поэтапного плана выполнения соглашения - привели к тому, что стороны трактуют его содержание так, как удобно каждой из них. Все это привело к взаимному непониманию и появлению жалобы на работу адвоката Б.Б.Т.

Доверители П. и И. в своих жалобах, поступивших в ККАП, сообщили о том, что заключили с адвокатом Л.Г.Ш. договоры, в соответствии с п.1.2 которых адвокат принял на себя обязательство по оказанию юридической и технической помощи для обеспечения получения П. и И. гражданства Румынии. До заключения договора адвокат получил от них всю исчерпывающую информацию, необходимую для ведения дела. По прошествии более чем 1,5 лет доверители пришли к выводу о том, что адвокат в установленные п.7 Договора сроки не выполнил принятое поручение. Акт о выполнении услуг, предусмотренный п.3 Договора, доверителям предоставлен не был. Учитывая задержку выполнения адвокатом обязательств по Догово-

вору, доверители самостоятельно изучили правовые аспекты получения гражданства и пришли к выводу о том, что Л.Г.Ш. заведомо не мог выполнить обязательства по Договору в силу «...отсутствия законных оснований для реализации воли доверителя». Более того, адвокат без надлежащим образом оформленного согласия доверителей подал их документы на получение гражданства Болгарии.

Кроме того, уже после обращения с жалобой они узнали, что для выполнения их поручения адвокат привлекал иностранную фирму. Однако ни П., ни И. на привлечение третьих лиц к выполнению указанного договора согласия не давали.

Адвокат Л.Г.Ш. был крайне удивлен этими жалобами и сообщил, что работа в полном объёме выполнена. Документы «клиентов» проверены соответствующими инстанциями государства Болгарии (?) и поданы в Министерство юстиции этой страны. Удостоверение о подаче было отправлено клиентам.

Адвокат также указывает, что получил устное согласие обоих доверителей на изменение предмета договора. В связи с этим они вы-

дали ему соответствующие доверенности.

Выслушав стороны и изучив представленные ими документы, Квалификационная комиссия установила, что стороной-исполнителем в обоих Договорах указан Адвокатский кабинет. Предметом договоров является «оказание юридических, информационных, консультационных услуг и технического содействия по получению клиентом гражданства Румынии». В соответствии с п.7 договоров их действие прекращается исполнением обязательств. При этом Кабинет обязуется исполнить обязательства по договору в срок 15 месяцев с момента подписания Договора.

При оценке этих положений Договоров ККАП исходила из того, что в соответствии с п.1 ст.25 Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокатская деятельность осуществляется не иначе, как на основе соглашения между адвокатом и доверителем, а в соответствии с п.5 ст.21 того же Закона соглашения об оказании юридической помощи в Адвокатском кабинете заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации адвокатского кабинета. Законодательством об адвокатской деятельности не допускается возможность заключения договора (соглашения) между адвокатским образованием (кроме адвокатских бюро) и доверителем. Таким образом, адвокат Л.Г.Ш. нарушил требования п.1 ст.25 и п.5 ст.21 Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

В соответствии с «Актом признания доходов и расходов при проведении взаимозачета» и копиями банковских документов о перечислении денежных средств, представленных П., «адвокат Л.Г.Ш. поручил фирме «DL» выполнить объем работ для клиента адвоката Л.Г.Ш. — доверителя П., согласно второму этапу работ по Договору». Аналогичные сведения содержатся и в Акте от 23.09.2009г. по договору с И.

ККАП расценила эти действия как нарушение адвокатом Л.Г.Ш. требований п.4 ст.16 Кодекса профессиональной этики адвоката, запрещающих делить гонорар, в частности под видом разделения обязанностей, с лицами, не являющимися адвокатами.

Никаких доказательств исполнения указанных договоров адвокатом Л.Г.Ш. Комиссии не представлено. Утверждение адвоката, что он согласовал изменение предмета обоих договоров с получения гражданства Румынии на получение гражданства Болгарии ничем не подтверждены, сами доверители это категорически отрицают. Ссылка адвоката на содержание его переписки с доверителями по этому вопросу Комиссией рассматривается как попытка уйти от ответственности, поскольку адвокат не может не знать, что в соответствии с п.1 ст.452 ГК РФ соглашение об изменении договора совершается в той же форме, что и договор.

ККАП обратила внимание и на то, что оба договора содержат ничтожное (в соответствии с п.4 ст.401 ГК РФ) соглашение, по которому «в случае невыполнения условий договора по вине Кабинета, Кабинет не возвращает Клиенту деньги, уже полученные по настоящему договору».

Оценивая указанные договоры и другие материалы дисциплинарного производства, ККАП пришла к выводу о том, что адвокат Л.Г.Ш. действовал вопреки воле доверителей, не выполнил принятых на себя обязательств без какой-либо уважительной причины, чем нарушил требования п.1 ст.8 КПЭА, в соответствии с которыми адвокат честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполняет свои обязанности, активно защищает права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами.

Совет АП СПб пришел к выводу о необходимости прекращения статуса адвоката Л.Г.Ш.

Доверитель М. обратился с жалобой в отношении адвоката Н.В.В., из которой следует, что в мае 2008 г. он заключил соглашение на оказание услуг по составлению документов, подаче их в суд общей юрисдикции, оказание представительских услуг в инициированном гражданском деле по жилищному спору. За оказание этих услуг М. внес аванс и выдал адвокату доверенность. Однако спустя год адвокат не приступил к выполнению поручения. Поэтому доверитель был вынужден самостоятельно составить и подать заявление в суд и представлять в нем свои интересы. В период проверки этой жалобы в Квалификационную комиссию поступило представление вице-президента АП СПб, из которого следует, что при заключении соглашения между адвокатом Н.В.В. и М. адвокат нарушила требования пп.1 и 6 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

Адвокат Н.В.В., несмотря на неоднократные напоминания, никаких объяснений в Комиссию не представила.

Изучив материалы дисциплинарного производства, Комиссия установила, что между М. и адвокатом Н.В.В. было заключено соглашение, по условиям которого доверитель был принят на «абонентское юридическое обслуживание по вопросам предъявления искового заявления о признании права на ж. площадь, рассмотрение в Красногвардейском суде СПб». Стоимость «абонентского юридического обслуживания» доверитель оплачивает в сумме 30 000 руб. Под договором имеются подписи доверителя и адвоката. Договор не содержит указаний на выдачу адвокату ордера на ведение дела, отметку о регистрации договора в Адвокатской консультации и о внесении денег в кассу адвокатского образования. Одновременно М. представлены доказательства того, что в начале 2009г. им самим,

без помощи адвоката Н.В.В. было составлено и подано в суд исковое заявление. В связи с этим у ККАП не было оснований не доверять фактам, изложенным в жалобе доверителя М., так как они косвенно подтверждались справкой заведующего АК, о том, что адвокат Н.В.В. соглашение с М. в консультации не зарегистрировала, ордер на ведение дела не брала, денег в кассу консультации не вносила, ежемесячные отчеты о работе не сдает, установленный Советом СПб ГКА минимум денежных средств в кассу консультации не вносит.

Указанная совокупность обстоятельств дала основание ККАП сделать вывод о ненадлежащем выполнении адвокатом Н.В.В. обязательств, принятых по указанному соглашению, а точнее — об одностороннем необоснованном отказе от выполнения обязательств перед доверителем, что Комиссия квалифицирует как нарушение требований п.1 ст.8 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет АП СПб согласился с этим, прекратив статус адвоката Н.В.В.

В другой жалобе доверителя Б. сообщалось о том, что в октябре 2008г. он обратился к адвокату Б.А.Л. с просьбой о ведении в суде гражданского дела о признании за ним права собственности на квартиру. Адвокат ознакомилась с представленными документами,

составила исковое заявление, за что он уплатил 2000 руб. и ещё 300 руб. за печатание документа. При этом никаких квитанций за внесённые деньги ему выдано не было.

Впоследствии Б. уплатил адвокату Б.А.Л. за ведение дела 10000 (десять тысяч) рублей, на что ему была выдана квитанция без даты.

Б. полагал, что эта сумма определяет стоимость услуг адвоката в судебных заседаниях. По словам Б. адвокат Б.А.Л. приняла участие в одном очень коротком судебном заседании районного суда. Фактически это были переговоры, поскольку ни ответчики, ни свидетели не вызывались. Слушание дела было назначено на другое число. Однако адвокат Б.А.Л. в назначенное время в суд не явилась. В результате неявки адвоката доверитель остался в судебном заседании без юридической помощи, несмотря на заключённый им договор и внесение денег.

Б. отмечает, что после первого судебного заседания (переговоров) адвокат Б.А.Л. требовала от него внесения ещё 10000 р. Но он более денег не вносил, поскольку адвокат никакого участия в деле не принимала, им не интересовалась, ни в одно судебное заседание не являлась.

В своём объяснении адвокат Б.А.Л. сообщает, что она ознакомилась в суде с материалами дела, получила повестку для вручения доверителю. С доверителем «...была согласована позиция по делу и необходимость представления дополнительных документов». В ходе судебного заседания ответчиком был предъявлен к доверителю встречный иск о выселении и дело было отложено. После этого «...со стороны клиента не последовало никаких телефонных звонков, доплата по соглашению не производилась». Поскольку размер вознаграждения по соглашению был установлен в 20000 руб. за 3 (три) дня участия адвоката в суде и доплата внесена не была, адвокат сообщила судье о расторжении соглашения.

Изучив материалы дисциплинарного производства, ККАП установила, что пунктом № 2 Соглашения об оказании юридической помощи между адвокатом Б.А.Л. и доверителем. размер вознаграждения сторонами установлен в сумме 20000 руб. Пунктом 3 того же Соглашения условием выплаты вознаграждения установлено участие адвоката в 3-х судебных заседаниях. Специальные условия и сроки внесения гонорара сторонами не предусмотрены. Доверителем внесен аванс в сумме 10000 рублей. Адвокат Б.А.Л. приняла участие лишь в одном судебном заседании 10.12.2008г из трех, предусмотренных Соглашением. Из этого следует, что претензии адвоката Б. А.Л. по поводу внесения доверителем лишь части обусловленной суммы вознаграждения ни на чем не основаны, не вытекают из текста Соглашения, и не дают ей права говорить о нарушении доверителем условий Соглашения. Комиссия считает, что у адвоката не было никаких заслуживающих внимания причин для неявки во второе судебное заседание, о котором она была надлежащим образом извещена судом. Таким образом, следует признать, что условия договора были нарушены не доверителем, а адвокатом. Кроме того, адвокат Б.А.Л. не посчитала нужным уведомить письменно своего доверителя о расторжении сего договора, что свидетельствует о недобросовестном отношении к исполнению обязанностей.

Комиссия полагает, что Соглашение на оказание юридической помощи по гражданским делам является специальным видом Договора, сочетающего в себе все положения Договора поручения с нормами Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА). Стороны такого Договора вправе в любой момент в одностороннем порядке его расторгнуть. Однако для адвоката принятие такого решения должно быть основано на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии и обусловлено:

- наличием у него уважительных причин для расторжения Соглашения об оказании юридической помощи, в том числе, неисполнением доверителем обязательств по договору,
- обнаружением обстоятельств, при которых адвокат был не вправе принимать поручение или не может выполнять его в дальнейшем,
- заблаговременным письменным уведомлением об этом доверителя с тем, чтобы тот мог обратиться к другому адвокату,
- предоставлением доверителю отчета о проделанной работе,
- возвращением всех полученных от доверителя документов.

В еще более незащищенном положении порой оказываются доверители, обратившиеся к адвокату за бесплатной юридической помощью.

Например, адвокатский кабинет адвоката Д.И.Д. был включен в перечень адвокатских образований, которым предоставлено право на оказание бесплатной юридической помощи льготным категориям граждан.

В соответствии с «Порядком организации и предоставления бесплатной юридической помощи в СПб на 2008-2009г.г.» (далее — Порядок), утвержденным решением Совета АП СПб от 27.05.08г., при наличии у гражданина, обратившегося в адвокатское образование, соответствующих документов, подтверждающих право на получение бесплатной юридической помощи, он вправе рассчитывать на консультативную и иную помощь. При наличии же оснований, перечисленных в пункте 26.7 «Порядка», при отказе в оказании бесплатной юридической помощи, адвокат обязан составить отказ в письменной форме и вручить (направить) его обратившемуся.

Как следует из обращений доверителей Н. и В. адвокат Д.И.Д. каждому из них безмотивно отказал в предоставлении бесплатной юридической помощи, не выдав никакого письменного документа,

чем, по мнению Комиссии, нарушил требования п.6 ст.15 Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА).

Адвокат Д.И.Д. признал, что не нашел юридических оснований для поддержания позиции В. в суде и поделился своим мнением со своей женой, являвшейся его помощником и присутствовавшей при разговоре. Жена с ним не согласилась и предложила В. свою помощь, против чего адвокат Д.И.Д. «в силу понятных причин не возражал». У Комиссии нет оснований сомневаться, что при таких обстоятельствах В. воспринимала жену Д.И.Д. как адвоката, принявшего на себя защиту ее интересов. ККАП считает, что своими действиями адвокат Д.И.Д. ввел В. в заблуждение, то есть, совершил действия, направленные к подрыву доверия, нарушив тем самым требования п.2 ст.5 КПЭА.

Не предупредив доверительницу о юридической бесперспективности ее позиции, адвокат Д.И.Д. воспользовался доверием В. и

фактически обманул ее, рекомендовав другого юриста, связанного с адвокатом семейными узами и обещавшего доверителю благоприятное разрешение спора. Комиссия установила, что всю работу по гражданскому делу провела Д.Г.Г. — супруга адвоката Д.И.Д., не обладающая статусом адвоката. Однако отчет об этой работе, как оказанной в порядке бесплатной юридической помощи, был представлен адвокатом Д.И.Д. Согласно реестрам №№ 1 и 2 за 2008г стоимость юридической помощи В. оценивается в 11 700 рублей, которые были выплачены адвокату Д.И.Д. за счет бюджета Санкт-Петербурга.

Таким образом, Д.И.Д. действовал вопреки законным интересам доверителя, руководствуясь соображениями собственной выгоды, то есть, нарушил требования п.1 ст.9 и п.1 ст.4 КПЭА.

Указанная совокупность фактов дала основание Совету АП СПб для прекращения статуса адвоката Д.И.Д.

Интересы доверителя, невозможность действовать вопреки его позиции - безусловно являются приоритетными для адвоката, даже если в силу обстоятельств адвокат не располагает ясно выраженной волей своего доверителя или считает, что доверитель действует во вред себе.

Так, поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Ч.Е.С. послужила жалоба П., из которой следует, что назначенная судом в порядке ст. 50 ГПК РФ для защиты интересов ответчиков по иску «о признании не приобретенными право на жилплощадь» к П. и его несовершеннолетней дочери, адвокат Ч.Е.С. «заняла абсолютно пассивную позицию в ходе судебного разбирательства», фактически признала иск, заявив: «...истец предоставила исчерпывающие доказательства в подтверждение своих исковых требований».

В своих объяснениях, представленных в Квалификационную комиссию адвокат Ч.Е.С. пояснила, что действительно по заявке суда она в порядке ст.50 ГПК РФ была направлена в процесс. В материалах дела имелся акт Жилкомсервиса №1 о непроживании ответчиков по месту регистрации, справки взрослой поликлиники №51 и детской №31 об отсутствии медицинских карт на ответчиков, ответ МИФНС №28, что П. на учете не состоит, ответ ЗАО СК «Рус-Мед», что полисов обязательного мед. страхования ответчики не получали. Кроме того, в суде были допрошены две соседки по дому, которые заявили, что ответчиков никогда в спорной квартире не видели.

Анализ протокола судебного заседания, проведенный на заседании ККАП, подтверждает, что в прениях адвокат против удовлетворения иска не возражала, а при обсуждении вопроса о возможности окончания судебного заседания адвокат Ч.Е.В. сделала заявление о том, что «истец предоставил исчерпывающие доказательства в подтверждение своих исковых требований».

По мнению Комиссии, это заявление не может быть расценено иначе, чем признание иска, тем более, что в прениях адвокат не сделала заявления о непризнании иска. Выступая в суде в порядке ст.50 ГПК РФ, адвокат не связан ясно выраженной волей ответчика, однако адвокат обязан предполагать наличие у него заслуживающих внимания возражений по предъявленному иску.

В другой ситуации при рассмотрении заявления главного врача психиатрической больницы о даче санкции на госпитализацию и лечение А. ее интересы в порядке ст.50 ГПК РФ представляла адвокат Л.М.В., которая высказала мнение о возможности дать санкцию на госпитализацию и лечение гр. А. в ГПБ. В своей жалобе А. указывает, что участвовала в судебном заседании, категорически

возражала против госпитализации, вела себя адекватно ситуации. Она полагает, что адвокат предала ее интересы.

В объяснениях, представленных в Квалификационную комиссию адвокат Л.М.В. пояснила, что А. страдает тяжелым психическим расстройством и представляет опасность для себя самой и окружающих. Дело рассматривалось в присутствии А., ей были разъяснены ее права, в том числе право на защиту. Никаких просьб и ходатайств от нее не поступало. От общения с адвокатом А. отказалась, так как «была труднодоступна в общении, считая, что все пытаются воздействовать на нее путем «общения через грудную клетку»...

Адвокат считает, что действовала в интересах А. в соответствии с ГК и ГПК. Оснований для возражений против госпитализации не было.

После длительного обсуждения голоса членов ККАП разделились. Большинство приняло позицию адвоката. Однако Совет АП СПб в своем решении указал, что, правильно установив фактические обстоятельства, Комиссия дала им неправильную оценку и квалификацию. Совет АП обратил внимание на то, что в протоколе судебного заседания нет никаких указаний на неадекватное поведение А.: ее ответы логичны, а отрицательное мнение о госпитализации выражено вполне определенно. Совет АП указал на сформулированное в пп.2 п.1 ст.9 КПЭА и пп.3 п.4 ст.6 Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» категорическое запрещение «занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле...».

Однако свобода адвоката ограничивается не только волей доверителя, но и процессуальным законодательством, в рамках которого адвокат осуществляет свою профессиональную деятельность.

Нередко адвокаты, участвующие в гражданских делах в качестве представителей, забывают, что являются лицами, участвующими в деле, и несут в соответствии с п.2 ст.35 ГПК РФ процессуальные обязанности, установленные этим кодексом.

Так адвокат Ц.Е.В. трижды без согласования с судом не являлась в судебные заседания в дни болезни ребёнка своего доверителя. А адвокат Г.Р.Т. дважды, даже не поставив в известность суд, не явился в судебные заседания, ссылаясь на запрет своего доверителя.

Комиссия считает, что обязанность адвоката при всех обстоятельствах, кроме наличия уважительных причин, являться в судебные заседания независимо от явки в суд своего доверителя вытекает из положений ст. ст.34, 48, п.5 ст.53 и ст.54 ГПК РФ, в соответствии с которыми адвокат, предъявивший суду ордер, становится официальным представителем стороны судебного разбирательства, а значит и лицом, участвующим в деле.

Своеобразно истолковал свою профессиональную свободу адвокат В.В.Ф. Как видно из Частного определения суда в гражданском деле интересы ответчика представлял адвокат В.В.Ф., заявивший встречный иск на сумму «более 105790 рублей». Было вынесено Определение об оставлении искового заявления без движения. Ответчику судом было предложено уточнить эту сумму и в соответствии с уточненной суммой оплатить гос. пошлину. Адвокат В.В.Ф., ознакомившись с таким Определением суда и явно выйдя за рамки своих полномочий, предусмотренных ГПК РФ, тут же самовольно внёс собственноручные изменения в виде исправлений и приписок в текст искового заявления, находившийся в гражданском деле, удостоверив эти исправления своей подписью.

Адвокат на заседании Квалификационной комиссии этот факт не отрицал и лишь пояснил, что посчитал для себя возможным сделать это, т.к. на замечание судьи, что «эти неточности надо устранить», тут же ответил: «сейчас всё устраним», на что ему никто ничего не возразил. Восприняв это как согласие на следующие свои действия, после отложения судебного заседания получил дело и «внёс свои уточнения».

Изучив материалы дисциплинарного производства, ККАП обратила внимание адвоката на то, что по смыслу главы 38 ГПК РФ под материалами дела понимается совокупность всех процессуальных и иных документов, образующих судебное производство по гражданскому делу. Формирование этой совокупности в порядке поступления документов отнесено исключительно к компетенции суда. Исправления в судебном производстве возможны лишь путем представления новых документов, либо вынесения с этой целью постановлений суда.

Таким образом, действия адвоката В.В.Ф. являются прямым нарушением требований п.1 ст.8 Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА).

Профессиональная адвокатская деятельность осуществляется преимущественно в рамках судебной системы. Адвокат обязан проявлять уважение к этой системе и к должностным лицам этой системы, включая судей, других юристов и государственных служащих. Уважение должно проявляться (среди прочих правил поведения) в заблаговременном извещении адвокатом суда о невозможности явиться в назначенное время, о наличии причин, препятствующих дальнейшему участию адвоката в рассмотрении дела вообще или в данный момент и т.п.

Полное пренебрежение этими правилами продемонстрировал адвокат С.М.П.

Так в апреле 2009г. адвокат С.М.П., достоверно зная дату слушания уголовного дела по обвинению С., в судебное заседание федерального районного суда, назначенное на 12 часов, не явился, справку о занятости в другом процессе или о болезни в суд не представил. Из-за неявки адвоката процесс мог быть сорван, но судом были предприняты меры к вызову другого защитника в судебное заседание, которое было начато с большим опозданием.

В своём объяснении адвокат С.М.П. не оспаривает того, что он был заранее уведомлен судом о дате слушания дела. Однако своей вины в срыве судебного заседания не усматривает, объясняя неявку тем, что в указанный день «у меня по плану было выездное заседание. В 10 ч. 45 м. предупредил секретаря судьи» о своей неявке и предпринял меры по замене себя другим адвокатом.

Но Квалификационная комиссия посчитала объяснения адвоката С.М.П. несостоятельными. В соответствии с требованиями п.1 ст.14 КПА в случае невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании адвокат должен заблаговременно уведомить об этом суд. Однако адвокат С.М.П., будучи заранее извещенным секретарём судебного заседа-

ния о назначении слушания дела С. и зная, что «по его плану» на эту же дату назначено выездное заседание по другому делу, о своей занятости и невозможности прибытия суд заблаговременно не уведомил. Его звонок секретарю суда непосредственно перед началом заседания не может рассматриваться как надлежащее выполнение этой своей обязанности.

В мае 2009г. адвокат С.М.П. не явился в судебное заседание в кассационную инстанцию СПб городского суда, о причинах своей неявки не сообщил. В своем объяснении, направленном в ККАП адвокат С.М.П. утверждал, что не был надлежащим образом извещен о времени судебного заседания, однако представленными доказательствами это утверждение было опровергнуто.

В июне 2009г. адвокат С.М.П. явился в кассационную инстанцию по другому уголовному делу. Однако до начала рассмотрения дела, не поставив в известность судебную коллегию, удалился из зала суда.

Адвокат С.М.П. признал факт самовольного ухода из помещения СПб городского суда, поясняя, что слушание дела было назначено на 10ч. 30м. В ожидании начала слушания дела он находился не в зале суда, а в коридоре и «...уходил я с коридора, а не из зала суда, как в жалобе пишет судья...». Покинул он помещение суда в 11ч. 15 м. Предупредить коллегию о своем уходе не мог, т.к. в зале проходило слушание другого уголовного дела, считая некорректным прерывать заседание.

Оценивая объяснения адвоката С.М.П., Комиссия исходила из того, что продолжительность рассмотрения судами дел не поддается строгой регламентации. Это неминуемо приводит к тому, что во многих случаях начало рассмотрения дела, указанное в аншлаге и извещениях, направляемых участникам процесса, сдвигается на неопределенное время. Указанное обстоятельство является общеизвестным и должно учитываться в адвокатской практике. Адвокат С.М.П.,

имеющий стаж адвокатской работы более 9 лет, при планировании своей работы был обязан учитывать это обстоятельство. Кроме того, адвокат С.М.П. ни суду, ни Комиссии не сообщил о каких-либо уважительных причинах, побудивших его без предупреждения покинуть здание суда и сорвать судебное заседание. Такое поведение расценивается ККАП как явное проявление неуважения к суду, то есть, как нарушение требований ст.12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Такой же оценки со стороны ККАП заслужил и поступок адвоката С.М.П., о котором сообщил председатель Красногвардского районного суда. «Адвокат С.М.П., будучи недовольным оплатой его труда за 1(один) день участия в судебном заседании по уголовному делу Б. вместо 2-х дней, о чём он просил в заявлении, при получении копии постановления об оплате труда защитника, находясь в кабинете Председателя районного суда, в присутствии помощника Председателя суда настоящее постановление порвал».

Обосновывая справедливость оплаты труда адвоката за 1(один) день участия в уголовном процессе Председатель суда указывает на то, что адвокат С.М.П. с материалами уголовного дела не знакомился, никаких действий по подготовке к судебному заседанию не осуществлял. Уголовное дело в отношении Б. было прекращено в тот же день судебного заседания в связи с примирением сторон.

Адвокат С.М.П. указанные факты признал.

В своем Заключении ККАП указала на то, что адвокат С.М.П. в нарушение требований п.1 ст.4 Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА), в соответствии с которыми адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии, и проявляя явное неуважение к суду (ст.12 КПЭА), демонстративно, выражая несогласие с решением суда, в присутствии судебных работников разорвал официальный судебный акт — Постановление об оплате труда адвоката.

Комиссия считает, что адвокат, не согласный с судебным решением или поведением судьи, не должен позволять себе подрывать авторитет суда его публичной критикой либо демонстративными публичными действиями, поскольку его позиция может быть так же ущербна, как и критикуемая. Демонстрация неуважения к суду — путь тупиковый, противоречащий закону и профессиональной морали.

Совокупность допущенных адвокатом С.М.П. нарушений, демонстрация им полной свободы от существующих в адвокатуре норм, правил, традиций, привели к тому, что Совет АП СПб прекратил статус адвоката С.М.П.

Некоторые адвокаты считают себя свободными от выполнения Постановлений органов адвокатского сообщества, принятых в рамках их компетенции.

Например, адвокат Т.В.В., по сообщению судьи, не представил ордер в суд апелляционной инстанции, ссылаясь на то, что в деле имеется ордер на представление интересов доверителя без указания суда, в котором осуществляется защита.

Адвокат Т.В.В. полагает, что право адвоката на выступление в суде первой и апелляционной инстанций в качестве представителя на основании одного ордера Федеральным законом не ограничено, как и представительство в суде первой и апелляционной инстанций на основании одного договора.

Оценивая материалы дисциплинарного производства в отношении адвоката Т.В.В., Квалификационная Комиссия руководствовалась требованиями п.5 ст.53 ГПК РФ, в соответствии с которыми право адвоката на выступление в суде в качестве представителя удостоверяется ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием.

Установленная форма ордера не раскрывает в полной мере объем принятого адвокатом поручения, ограничиваясь лишь указанием на сущность поручения, стадию рассмотрения дела и конкретный судебный орган, который на этой стадии его рассматривает. Поэтому на каждой стадии процесса (в суде первой инстанции, в кассационной и надзорной инстанциях) адвокатом должен представляться отдельный ордер, в котором должны быть отражены полномочия на представительство именно в этой конкретной судебной инстанции. Об этом же говорит и практика судов Российской Федерации, в соответствии с которой от адвокатов, выступающих по соглашению с доверителем, требуется представление ордера, подтверждающего заключение соглашения именно на данную стадию процесса.

Исходя из требований процессуального законодательства и судебной практики Решением №7 Совета Адвокатской палаты СПб от 13.03.2003г. принято «Положение об ордерах на исполнение по-

ручений об оказании юридической помощи». Пункт 5 этого Положения регулирует порядок оформления и выдачи ордеров.

В соответствии с пп.5.3 Положения в графе ордера «сущность поручения» указывается оказание юридической помощи в порядке гражданского или иного судопроизводства, а также наименование органа, где предстоит выполнить данное поручение, например: в Куйбышевский рай. федеральный суд.

В графе «основание выдачи ордера» указываются реквизиты соглашения, договора (пп.5.5 Положения).

Как следует из материалов дисциплинарного производства ордер на право участия в суде апелляционной инстанции адвокатом Т.В.В. представлен не был. Ссылку адвоката на уже имеющийся в деле ордер правомерной признать нельзя, так как указанный ордер оформлен адвокатом с нарушением требований, установленных п.5 «Положения об ордерах...»: В ордере не указано наименование суда, где предстояло «представительствовать» адвокату Т.В.В., в ордере имеется ссылка только на номер договора, без указания даты его заключения. Поэтому требование судьи о предоставлении адвокатом надлежаще оформленного ордера на право выступления в апелляционной инстанции Комиссия признала основанным на законе и соответствующим «Положению об ордерах...».

Доверитель М. обратилась в АП СПб с жалобой на то, что адвокат И.Д.И. в феврале 2007г. взялся за ведение гражданского дела, получил от нее более 40 тысяч рублей и доверенность на ведение дела в суде. Однако исковое заявление в суд, как ей стало известно, подал лишь в июне 2008г. с нарушением территориальной подсудности. Повторно исковое заявление адвокатом И.Д.И. было направлено в суд в августе и судебное заседание было назначено на октябрь 2008г. Рассмотрение дела затянулось до лета 2009г.

04.06.09г. адвокат сообщил, что заседание перенесено на 16.06.09г. Затем адвокат сообщил о переносе заседания на 19.06.09г. В последующие дни М. безуспешно пыталась дозвониться до адвоката и решила самостоятельно выяснить в канцелярии суда результат рассмотрения дела. Канцелярия суда уведомила её, что решение по делу было вынесено 04.06.09г. Ей объяснили, что в марте 2009г. ответчица предъявила к ней встречный иск (о чём адвокат её не уведомил), который и был удовлетворён судом. В иске же М. было отказано.

Рассмотрев материалы этого дисциплинарного производства, Квалификационная комиссия установила, что поручение на ведение гражданского дела в суде адвокат И.Д.И. соглашением (договором) не оформил; не выписал ордер на ведение гражданского дела; полученные от М. денежные средства в общей сумме 43000 рублей не ввёл в кассу МКА «Санкт-Петербург», чем допустил нарушение

требований п.п.1 и 6 ст.25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», требований п.5 ст. 53 ГПК РФ и Решения Совета АП СПб от 16.07.2003г., в соответствии с которым он был обязан поручение на оказание юридической помощи оформить бланком соглашения (договора) и получить ордер на ведение дела. Тем самым он нарушил и требования п.6 ст.15 Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА), в соответствии с которыми адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты, принятые в пределах их компетенции.

Кроме того, имея на руках доверенность М. и ее заявление в суд с просьбой рассмотреть дело в ее отсутствие, в судебное заседание не явился без уважительной причины, оставив интересы доверителя без защиты.

Совет АП СПб принял решение о прекращении статуса адвоката И.Д.И.

Абсолютно свободным от Законов, адвокатского сообщества и своего доверителя почувствовал себя адвокат К.В.Н.

Из жалобы его доверителя Т. следовало, что 15 марта 2009г. он был незаконно задержан сотрудниками милиции за административное правонарушение, которого не совершал, и доставлен в отделение милиции. Далее всю ночь к нему применялись незаконные методы воздействия. А около 5 часов утра он был допрошен дознавателем, как оказалось в связи с заявлением его сожительницы о том, что он якобы угрожал ей убийством. Никакого адвоката при допросе не было, никто никаких прав ему не разъяснял. Лишь 29 апреля он впервые увидел адвоката К.В.Н., после консультации с которым, Т. отказался от дачи показаний. Позже Т. увидел в уголовном деле ордер от 16 марта 2009г. на имя К.В.Н., а в протоколе его допроса 16 марта был указан адвокат К.В.Н.. Т. считает, что если бы адвокат участвовал в этом допросе, то обязательно указал бы дознавателю на нарушения, в противном случае он нарушил бы свой адвокатский долг.

В Квалификационной комиссии адвокат К.В.Н. пояснил, что 16.03.09г. был дежурным по графику адвокатом и в 5.00 утра был вызван дознавателем для допроса подозреваемого Т. Адвокат разъяснил ему права подозреваемого и ст.51 Конституции РФ, после чего Т. добровольно, без применения недозволенных методов в присутствии адвоката, дал признательные показания. Адвокат К.В.Н. пояснил, что ранее работал следователем и хорошо знаком с процессуальным законодательством. Явившись 16 марта 2009г. по вызову дознавателя, конечно, обратил внимание на то, что допрос проводится в ночное время, но посчитал, что, если дознаватель считает возможным допрашивать Т. ночью, значит - у него есть для этого причины. Адвокат пояснил членам ККАП, что допросы в ночное время возможны, поскольку существуют бланки «Постановлений» об оплате труда адвоката в ночное время. Поэтому протеста по этому поводу не заявил и не стал выяснять у дознавателя причин допроса в ночное время его доверителя, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ст.119 УК РФ. Основанием задержания Т. также не поинтересовался, так как считал, что оно связано с подозрением в совершении указанного преступления, Адвокат К.В.Н. сообщил также, что Т. был в нетрезвом состоянии, однако не в такой степени, чтобы не мог давать показания. Поэтому никаких замечаний по поводу допроса своего нетрезвого доверителя он в протоколе не сделал. На просьбу членов Комиссии представить корешки ордеров за март — апрель 2009г. с тем, чтобы подтвердить дату выписки ордера по делу Т., адвокат К.В.Н. сообщил, что корешков использованных ордеров за указанный период в его адвокатском кабинете нет и регистрации выдачи ордеров не ведется.

Оценивая объяснения адвоката К.В.Н., Комиссия отметила, что участие адвоката в допросе Т. подтверждается копией ордера, справкой Координатора района о том, что 16.03.09г. адвокат К.В.Н. был дежурным по графику, справкой дознавателя о том, что дежурный

адвокат К.В.Н. был 16.03.09г. вызван сю для участия в допросе подозреваемого Т., записью в протоколе допроса. Поскольку Т. не представлено доказательств обратного, Комиссия руководствовалась презумпцией добросовестности адвоката.

То обстоятельство, что адвокат К.В.Н. нарушал требования пп. 4.1 - 4.3 утвержденного Советом АП СПб «Положения об ордерах...»: не всл учета ордеров и самостоятельно уничтожал корешки использованных ордеров, не является, по мнению ККАП, достаточным доказательством его отсутствия 16.03.09г. на допросе Т.

В то же время ККАП установила грубые нарушения адвокатом К.В.Н. требований п.1 ст.8 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которыми адвокат «честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполняет свои обязанности, активно защищает права, свободы и интересы доверителей всеми незапрещенными законодательством средствами».

В соответствии с ч.3 ст.164 УПК РФ производство следственных действий в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства.

Исходя из смысла ч.4 ст.146 УПК РФ, уголовное дело считается возбужденным с момента получения согласия прокурора, однако, до этого следователь или дознаватель может провести «отдельные следственные действия по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего», которые в ст.157 УПК РФ названы неотложными. Вместе с тем, такие действия могут совершаться только при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно.

Как следует из копии протокола допроса Т. от 16 марта 2009г. он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ст.119

УК РФ, по которому в соответствии с ч.3 ст.150 УПК РФ предварительное следствие не является обязательным, а производится дознание. Таким образом, указанный допрос не может быть отнесен к неотложным следственным действиям и к случаям, не терпящим отлагательства, и его производство в 5 часов 30 минут утра, то есть, в ночное время, является незаконным. Комиссия учитывает при этом, что заявление потерпевшей, в связи с которым был допрошен Т., поступило в орган дознания 08 марта 2009г., а поэтому имелось достаточно времени для вызова и допроса подозреваемого в дневное время. ККАП обращает внимание и на то, что дознаватель в нарушение установленного порядка вызова и без оформления постановления о приводе фактически «обеспечил» явку подозреваемого путем незаконного задержания за якобы имевшее место административное правонарушение. Это прямо следует из протокола об административном правонарушении от 15 марта 2009г.

Указанное незаконное задержание и незаконный ночной допрос, по мнению ККАП, были очевидными. Однако, как признал адвокат К.В.Н., причиной задержания своего доверителя и постановлением о возбуждении уголовного дела он не поинтересовался, никаких возражений по поводу допроса в ночное время не заявил. Более того, адвокат пояснил членам ККАП, что допросы в ночное время возможны, поскольку существуют бланки «Постановлений» об оплате труда адвоката в ночное время. Он также сообщил членам Комиссии о том, что его доверитель был пьян, но и на это он внимание дознавателя не обратил.

Все это свидетельствует о крайне недобросовестном отношении адвоката К.В.Н. к исполнению своих обязанностей при защите Т., приведшем к грубому нарушению прав доверителя. Фактически Т. при допросе 16.03.09г. остался без защиты.

Мне кажется, что было бы жестоко держать далес адвоката К.В.Н. в тисках обременительных для него требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Как видите, рядом с нами на адвокатском поприще работают люди, которые полагают что творческая профессиональная свобода — синоним безответственности, что она возможна лишь при игнорировании законов, правил и традиций.

Но, как писал поэт Эдуард Асадов:
Честь не дано сто раз приобрести.
Она - одна. И после поражения
Ее нельзя, как кофту, залатать
Или снести в химчистку в воскресенье!